

В. П. Завьялова

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ССОРЕ МЕЖДУ КАЛЛИМАХОМ
И АПОЛЛОНИЕМ РОДОССКИМ

При всей гипотетичности наших сведений о жизненном пути Каллимаха есть основания полагать, что ок. 80-х годов III в. до н.э., когда поэту, возможно, было ок. 30 лет, он переезжает в Александрию, где поселяется в пригороде – Элевсине и занимается преподаванием¹. В словаре «Суда» по этому поводу сказано определенно: «...ῥόμινα ἐδίδασκεν ἐν Ἐλευσίνι, κομυδρίῳ τῆς Ἀλεξάνδρείας» («преподавал науки в Элевсине, местечке около Александрии»). Факт педагогической деятельности Каллимаха подтверждается значительным перечнем имен его учеников (μαθητής) и последователей (ἠωρμος)².

Учениками Каллимаха большинство источников традиционно называют Аполлония Родосского, Эратосфена, Аристофана Византийского, которые, сменяя друг друга на посту главного библиотекаря Александрийской библиотеки, стали знаменитыми во всей мировой литературной традиции, а также Истра, Филостефана и Гермиппа, снискавших известность больше в научных кругах. Их труды послужили источником сведений о древнейших временах сначала позднеантичным авторам, а затем и ученым нового времени. Конечно, учитывая всю сложность и противоречивость хронологии раннего эллинизма, учительство Каллимаха нельзя связывать только с Элевсином. Принято считать, – со ссылкой на Авла Геллия³ – что в начале 60-х годов Каллимах получает широкую известность при дворе Птолемея II Филадельфа (как пишет Авл Геллий, «apud Ptolemaeum regem celebratus est»), и, возможно, тогда же начинает работать в Александрийской библиотеке⁴. Там он позднее возглавил грандиозный для своего времени проект создания первого в мировой практике библиографического свода – «Таблицы». Многие ученики, скорее всего, вышли из окружения поэта именно в период его деятельности в библиотеке. Известно, что наиболее квалифицированные ученые, свободно занимаясь исследованиями в Мусейоне и библиотеке, собирали вокруг себя учеников для настоящих семинариев высшего класса⁵. Наиболее близкими Каллимаху учениками, продолжившими

¹ Одна из последних монографий, посвященная реконструкции жизненного пути Каллимаха, принадлежит известному исследователю эллинистической поэзии Клоду Меллье: *Meillier C. Callimaque et son temps. Recherches sur la carrière et la condition d'un écrivain à l'époque des premiers Lagides. Publications de l'université Lille. 3. 1979.*

² Перечень дошедших свидетельств о Каллимахе – античная и средневековая традиции – приводится Рудольфом Пфейффером в его издании текстов Каллимаха: *Callimachus / Ed. R. Pfeiffer. Vol. I-II. Oxonii, 1949–1953* (далее – *Pfeiffer*). Наиболее полный библиографический свод в каллимаховедении: *Lehus L. Bibliografia Callimachea 1489–1988. Università di Genova, 1989.* Последняя из учтенных библиографий в интернете: *A Hellenistic Bibliography: Callimachus 1996–2000.*

³ *Aul. Gell. Noct. Att. XVII. 21. 41.*

⁴ По свидетельству И. Цеца (*Tzetz. de com. Gr. роem. p. 24 sq Kaib*) в то же время в библиотеке вместе с Каллимахом работали Александр Этолийский и Ликофрон.

⁵ Подробнее см. *Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 148 и др.*

его мифографические штудии, были, очевидно, Аполлоний Родосский, Фило-
стефан и Истр⁶.

Сравнительно больше, чем о других учениках Каллимаха, древнейшие источ-
ники говорят об Аполлонии Родосском. В словаре «Суда» Аполлоний опреде-
ленно называется его учеником: «Ἀλεξανδρεὺς ...μαθητὴς Καλλιμάχου»⁷.
В схолиях к жизнеописанию Аполлония это утверждение повторяется дважды⁸.
Вместе с тем существует устойчивая традиция, идущая с древнейших времен,
утверждающая, что на каком-то этапе пути учителя и ученика расходятся, чему
предшествовала ссора между ними. Древнейшими свидетельствами этой тради-
ции, дошедшими до нас, являются схолии к жизнеописанию Аполлония и статья
о Каллимахе в словаре «Суда». В первом случае К. Вендель, издававший схо-
лии, обратил внимание на логический разрыв во фразе схолиаста: «τὸ μὲν
πρῶτον συνὼν Καλλιμάχῳ τῷ ἰδίῳ διδασκάλῳ ὡς δὲ ἐπὶ τὸ ποιεῖν ποιήματα
ἔτρόπτετο» («сначала дружески общаясь с Каллимахом, собственным учите-
лем... когда же обратился к написанию поэмы»). К. Вендель⁹ справедливо пола-
гал, что данная схолия содержит лауну. Мнение это принято большинством
ученых, в настоящее время не оспаривается, и сообщение схолиаста толкуется
так: Аполлоний дружески общался со своим учителем Каллимахом до тех пор,
пока сам не обратился к написанию поэмы.

С другой стороны, в перечне произведений Каллимаха в словаре «Суда» на-
зывается поэма «Ибис», которая до нас не дошла, но которая, в отличие от всех
перечисленных в статье произведений, имеет краткую и выразительную харак-
теристику. Автор пишет, что «Ибис» – искуснейшая поэма (ποίημα ἐπιτετη-
δευμένον), в ней завуалировано (εἰς ἀσάφειαν) и резко отрицательно (καὶ
λοιδορία) говорится о некоем Ибисе (εἰς τινὰ Ἴβιν), являющемся врагом Кал-
лимаха (γενόμενον ἐχθρὸν τοῦ Καλλιμάχου). И дальше совершенно определен-
но: «ἦν δὲ οὗτος Ἀπολλώνιος, ὁ γράψας τὰ Ἀργοναυτικά» («это был Аполло-
ний, написавший “Аргонавтику”»).

Скорее всего, и автор схолиев, и автор статьи о Каллимахе, писавший в X в.,
знали о ссоре подробнее, но эти сведения для нас утрачены, и исследователи но-
вого времени располагают лишь самыми краткими и не очень ясными упомина-
ниями самого факта. Ученые нового времени постарались тему разногласий
между учителем и учеником перевести в плоскость литературных расхождений.
Потрачено немало усилий для доказательства факта ссоры как литературной
полемики.

В XIX в. А. Герке¹⁰, исследуя поэзию александрийской школы, вторую часть
своих штудий посвящает попытке реконструкции аргументации спорящих сторон.
Он, как его предшественники и последователи, старается в самих

⁶ В одном из контекстов Афиней (*Athen.* VI. 272b) называет Истра сыном Калли-
маха.

⁷ Цит. по Callimachus / Ed. R. Pfeiffer. Vol. II. Oxonii, MCMLIII. S. XCVI.

⁸ Pfeiffer. Testimonia № 11, 12. Считается, что Аполлоний Родосский последовал за
учителем и в педагогической деятельности: на Родосе он основал одну из школ, в ко-
торой преподавал (см. *Knaack.* Apollonios von Rodos // RE. 3. Hlbd 3. 1895. S. 126, 129).

⁹ Scholia in Apollonium Rhodium veteran // Rec. Calorus Wendel. Berolini, 1935 (суще-
ствуют и более поздние переиздания).

¹⁰ Gercke A. Alexandrinische Studien // Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am
Main, 1887. Bd 42; 1889. Bd 44. Ссоре между Каллимахом и Аполлонием посвящены:
ч. III. S. 127-150 (Bd 44) и ч. IV. S. 240-257 (Bd 44). Свои доказательства А. Герке
строит на привлечении фрагментов: 481, 359, 287, 165, 490, 293 и эпиграмм: 28, 6 и др.

дошедших текстах поэтов найти намеки на разногласия. В науке собрано немалое количество фактов, говорящих об острой литературной полемике в то время. Но касалась ли она только Каллимаха и Аполлония или в спор были вовлечены и другие поэты, были ли расхождения между учителем и учеником основаны только на различном понимании традиции и новаторства в поэзии, касались ли они вопросов поэтического мастерства и стиля и не сыграли ли здесь свою роль причины личного свойства, – на все эти вопросы вряд ли можно ответить исчерпывающим образом, и они по-прежнему остаются дискуссионными в науке. В XX в. широкое признание приобрело мнение В. Виммеля¹¹, которому доказательства ученых, высказывавшихся в пользу личной ссоры, казались «неправдоподобными».

Задачей данной работы является обратить внимание на некоторые обстоятельства и детали ссоры, известные из словаря «Суда», но которые, насколько нам известно, реже других попадают в поле зрения исследователей.

Об Аполлонии Родосском, как известно, наши сведения скудны и противоречивы: в науке нет единого мнения ни о датах его жизни, ни о месте рождения. Считается, что он родился около 295 г. до н.э., т.е. был на 15–20 лет моложе Каллимаха. Одни источники называют его александрийцем, по другим Аполлоний – уроженец города Навкратиса. Афинея (VII. 283e) считает Аполлония навкратийцем и цитирует несколько стихов из его поэмы «Основание Навкратиса». Неизвестно, когда именно была написана «Аргонавтика», были ли, как считается, две редакции поэмы. Ясно лишь, что «Аргонавтика» неотделима от внешней политики Птолемея II и тех поэтических задач, которые были актуальны в Египте в 270–260 гг. до н.э. В науке уже не раз доказывалось, что Аполлоний во многом идет по пути своего учителя, что в своей поэме он подражает¹² не только «Гекале» Каллимаха, но и его «Причинам» (в первой редакции, где еще отсутствовал пролог «Против тельхинов», «Коса Береники» и др.).

Безусловно, «Аргонавтика» не могла не нести в себе совершенно определенных эллинистических черт. И если замысел Аполлония и вызывал возражения Каллимаха, то речь шла, скорее всего, не о теме (Каллимах сам любил разрабатывать древнейшие мифологические предания) и не об объеме поэмы, как часто считают («Причины» Каллимаха в конечном итоге превосходили «Аргонавтику» по объему), а о форме. Растянуть одну тему на длинные четыре песни – с этим, конечно, Каллимах не мог согласиться. Во втором прологе «Против тельхинов» он говорит об этом предельно ясно: «Я не тяну одну бесконечную песню / В тысячах строчек поэм не воспеваю царей / Либо героев»¹³. Каллимах четко осознавал, что время необъятных, неторопливых эпических полотен миновало, и современные поэты, пытающиеся подражать и работать в «духе» Гомера, спо-

¹¹ *Wimmel W.* Kallimachos in Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augustezeit. Wiesbaden, 1960. В частности, Виммель пишет: «То, что Каллимах под фигурой *Φθῶνος* имел в виду определенного противника (возможно, даже Аполлония Родосского) и с пинком сопоставлял какое-то определенное событие, это мне кажется совершенно неправдоподобным» (Op. cit. S. 59–61). Речь идет о концовке II гимна Каллимаха, которая чаще других фигурирует в качестве доказательства ссоры.

¹² Ср. Р. Пфейффер пишет: «In primis nunc id (de quo nemo unquam dubitare debuit) constat Apollonium Rhodium non solum Hecalam, sed etiam Aetia passim imitatum esse» (*Pfeiffer. Prolegomena ad fragmenta.* S. XLI).

¹³ *Каллимах.* Причины. Пролог «Против Тельхинов» / Пер. О.В. Смыки // Эллинистические поэты. М., 1999. С. 292.

собны создавать лишь «громыхающие» поэмы¹⁴. Для Каллимаха пестрота эпизодов, сюжетов, совмещение «высокой» мифологии, редких мифологических имен, деталей с чисто бытовыми, повседневными мотивами, резкие и быстрые переходы от «высокого» к «низкому» регистрам создавали особую полифонию целого, когда динамизм, напряженность и «всеохватность» были важнее неторопливой последовательности. Каллимахом к этому времени, скорее всего, написаны не только «Гекала», часть элегий «Причин», гимны «К Зевсу», «К Делосу», эпиграмма на поэму Арата, но и многое другое (отсутствие хронологической атрибуции заметно усложняет проблему). Но главное, к этому времени сложились уже основные принципы новой поэтики: *πολυμαθία* (многознание), *συντομία* (краткость), *ποικιλία* (пестрота) и *λεπτότης* (тонкость, изящество). Новая поэтика требовала новой формы; основным адептом новой – малой – формы в поэзии выступал Каллимах.

Считается, что на поэму Аполлония Каллимах отозвался знаменитыми, ставшими крылатыми, словами: «Большая книга – большое зло» (Афиней. III. 72.)¹⁵. Не менее известна эпиграмма Каллимаха: «Кикликов стих ненавижу; дорогой идти проторенной, / Где то туда, то сюда толпы бредут, не хочу. / То, что нравится многим, не мило мне; мутную воду / Пить не хочу из ручья, где ее черпают все» (АР. XII. 43)¹⁶. Но особенно важна в данном случае концовка II гимна: здесь *Φθόνος* (Зависть, повторено дважды: II. 105, 107) и *Μῶμος* (Насмешка) вступают в некий диалог с Аполлоном, который в конце концов выгоняет Зависть пинком ноги. Со времени первых комментаторов гимна считается, что *Φθόνος* – это персонификация неких завистников (схолиаст по этому поводу пишет¹⁷: «ἐγκαλεῖ διὰ τούτων τοὺς σκώπτοντας αὐτὸν μὴ δύνασθαι ποιῆσαι μέγα ποίημα»). Однако со *Φθόνος* возникают трудности уже на текстологическом уровне: так это слово прочитывается лишь в одном рукописном кодексе – Ватиканском, во всех же других древнейших списках – *Φθόρος* (вредный, дурной человек)¹⁸. Следует ли читать *Φθόνος* или *Φθόρος* – по этому поводу в науке существует полемика¹⁹; и хотя *Φθόρος* более определенно указывает на некоего недоброжелателя поэта, издатели по традиции придерживаются чтения *Φθόνος*, полагая, что оно больше соответствует энигматическому стилю Каллимаха. «Зависть» или «дурной человек» произносят в гимне известные слова: «Мне не по нраву поэт, что не так поет, как пучина»²⁰. Схолиаст (как было уже сказано) поясняет эти слова следующим образом: «Этими словами он (Каллимах) упрекает насмешников, обвиняющих его в неспособности написать большую поэму». О зависти и насмешке Каллимах пишет и в своем программном произведе-

¹⁴ В этом уверен не только Каллимах; его взгляды разделяли и некоторые его современники. Ср. Феокрит (Ид. VII. 47-48) пишет: «Жалки мне птенчики Муз, что за старцем Хиосским гоняясь, / Тщетно стараются петь, а выходит одно кукованье» (Феокрит. *Мосх. Бион*. Идиллии и эпиграммы / Пер. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1958. С. 40).

¹⁵ Возможно (как иногда считают), Каллимах сказал эти слова, сетуя, что для чтения свитков с длинными произведениями приходилось по многу раз их разворачивать и сворачивать по мере продвижения по тексту.

¹⁶ Греческая эпиграмма / Пер. М.Е. Грабарь-Пассек. СПб., 1993. С. 79.

¹⁷ *Scholia in Hymnum II. 106*, цит. по Pfeiffer. S. 53.

¹⁸ Pfeiffer. S. LXII.

¹⁹ Ср. Meillier C. Callimaque, Hymne II, vers 113: *Φθόνος* ou *Φθόρος* // *Studi Classici e orientali*. МСМХС. Р. 77–95.

²⁰ Каллимах. Гимн к Аполлону. Ст. 106 / Пер. С.С. Аверинцева // *Александррийская поэзия*. М., 1972. С. 106.

нии – «Причинах», в прологе «Против тельхинов»: «Зависти гнусное племя, изыди». Творчество завистников, по мнению поэта, – «крик дико ревущих ослов» (там же). Зависть, насмешка ассоциируются поэтом с грязью, нечистотами. Недаром в защитительной речи Аполлона (та же концовка II гимна) главный акцент делается на то, что много «грязи и скверны» (πολλὰ λύματα, πολλὰ σურφετόν) в течении большой реки. К мотиву «грязи» (λύματα) Каллимах обращается многократно. Он присутствует в гимнах I, II и VI. Интересно, что к I гимну схолиаст дает пояснение: «λύματα – καθάρματα».

Но именно так, κάθαρμα (букв. «грязь, нечистоты; все, что требует очищения»; в переносном значении «негодный человек», «изверг») именуется сам Каллимах в оскорбительной эпиграмме, написанной неким Аполлоном Грамматиком (AP. XI. 275):

«Καλλιμαχος τὸ κάθαρμα, τὸ πάγνιον, ὁ ξύλινος νοῦς, αἴτιος ὁ γράψας Αἴτια Καλλιμάχου». В переводе Н.А. Чистяковой²¹:

Мерзость, потеха и лоб деревянный зовутся Каллимах;
Поводом – автор «Причин» – тот же Каллимах поэт.

Кто такой Аполлоний Грамматик – неизвестно, но исключать авторство Аполлония Родосского оснований нет²². Возможно, как считает ряд исследователей²³, стихи Аполлония из III книги «Аргонавтики» (III. 932, 936) о «злопророке» и «злосоветнике» имеют также отношение к Каллимаху. В этом эпизоде одна из ворон кричит Ясону и Мопсу, следующим за Медеей в храм, «слово от Герры»²⁴: «Что за бесславный пророк, – умом различить он не в силах / То, что и детям вдомек...». И еще энергичнее и эмоциональнее дальше: «Сгинь, пропади, злопророк, злосоветник!»

Конечно, даже столь краткий перечень взаимных оскорблений говорит о большом накале полемических страстей. Вполне возможно, что адресатом нападок Аполлония был вовсе не Каллимах, как и Каллимах ругает не Аполлония или не только Аполлония, когда пишет о завистниках. Любое новое подтверждение или опровержение ссоры между Каллимахом и Аполлоном вряд ли может, как кажется, поколебать факт полемики, как таковой, хотя следует учитывать, что в одном из отрывков античной схолии, дошедшей до нас, где перечислены «тельхины», литературные противники Каллимаха, – имени Аполлония нет. Небезынтересно также замечание схолиаста, что «похоронен был (Аполлоний Родосский) рядом с самим Каллимахом»: «ἀξιωθῆναι αὐτὸν καὶ ταφῆναι δὲ σὺν αὐτῷ τῷ Καλλιμάχῳ»²⁵.

Остается «Ибис», именем которого, как сообщает словарь «Суда», назван враг (ἐχθρός), и этим врагом является Аполлоний, написавший поэму «Аргонавтика». Поэма Каллимаха «Ибис» была, вероятно, очень популярна, но до нас, как уже было сказано, не дошло ничего. О поэме мы можем судить по Овидию, который столетия спустя во время ссылки (8–17 гг.) наряду с «Печальными песнями», «Посланиями с Понта» обращается к написанию поэмы-инвективы про-

²¹ Греческая эпиграмма. С. 67.

²² Ср. Чистякова Н.А. Эллинистическая поэзия. Литература, традиции и фольклор. Л., 1988. С. 73.

²³ Например: Trypanis C.A. Introduction to Callimachus // Callimachos / Ed. C.A. Trypanis, Oxf., 1953. P. 5.

²⁴ Аполлоний Родосский. Аргонавтика. 932–933, 936 / Пер. Г. Церетели // Александрийская поэзия. С. 239.

²⁵ Pfeiffer. Testimonia. S. XCVI.

тив неназванного врага. Свою поэму, вслед за Каллимахом, Овидий называет «Ибис». «Ибис» Овидия пользуется славой самого загадочного произведения во всей римской литературе²⁶.

Почему и насколько «Ибис» Каллимаха послужил образцом для Овидия, можно судить лишь предположительно. Ясно только, что вслед за Каллимахом Овидий «Ибисом» называет своего недруга, имя которого он не хочет называть²⁷. Основное содержание поэмы – это проклятия на смерть врага (ст. 127–208), проклятия на его жизнь (ст. 209–245), а главное – перечисления всех видов казней и мук (ст. 247–638), которые он желает испытать врагу²⁸.

«Ибис» Каллимаха послужил образцом не только Овидию. Возможно, как считают некоторые исследователи²⁹, один из эпизодов каллимаховского «Ибиса» сохранен в пересказе «Любовных страстей» Парфения. Здесь речь идет также о проклятиях, но теперь уже некоей девушки-ткачихи в адрес своей хозяйки.

Все так. Но почему Аполлоний именно ибис, и каким образом многочисленные проклятия могут быть связаны с этой птицей? Ведь известно, что ибис, знаменитая птица, в Египте считалась священной, воплощением бога Тота, который изображался с головой ибиса; она же служила иероглифическим знаком его имени. С прилетом ибиса египтяне связывали разлив Нила. По сообщению Геродота (Herod. II. 75), ибисы истребляли небольших змей, и за это также почитались египтянами. Известно, что в святилище Тота в Гермополисе наряду с бабуинами почитались ибисы. Для них выделялись специальные помещения с источниками; их селекции, уходу за ними уделяли большое внимание; имелись даже специальные галереи, где ибисов хоронили после их смерти, предварительно мумифицировав. В Абидосе, например, обнаружено кладбище II в. н.э. с захоронениями священных ибисов. Многочисленные паломники, приходившие поклониться этим священным птицам, считали их великими душами богов на земле.

Ибисы хорошо известны в греческой традиции. О них пишут Элиан (Aelian. De animal. nat. 10, 12), Страбон (Strabo. XVII. 823), Аристотель (Arist. Hist. animal. 9, 27). Ибисов упоминает Аристофан (Arist. Av. 1296). В зоологии известно несколько десятков видов ибисов, относящихся к особому семейству отряда голенастых³⁰. В древнем Египте, как сообщают источники, особой популяции до-

²⁶ Поэма была написана в первый период ссылки (8–13 гг.). Различные мнения на этот счет, как и комментарий к поэме см. Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985. Обзор рукописной традиции поэмы и характеристику схолиев см. на с. 18, 31–32.

²⁷ Чаще других адресатом поэмы-памфлета называют современника Овидия, поэта Кассия Севера, но, возможно, недругом поэта был кто-то другой. Подробнее см. Подосинов. Ук. соч. С. 242.

²⁸ В отечественном антиковедении «Ибис» Овидия переводил М.Л. Гаспаров. Ему же принадлежит и наиболее подробный анализ поэмы: Гаспаров М.Л. «Ибис» и проблема ссылки Овидия // ВДИ. 1977. № 1; он же. Овидий в изгнании // Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1982; он же. Три подступа к поэзии Овидия // Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973. Настоящая статья в значительной степени инициирована этими работами М.Л. Гаспарова и посвящается памяти выдающегося филолога-классика.

²⁹ См. Ярхо В.Н. Обретенные страницы. Древнегреческая литература. М., 2001. С. 191–193.

³⁰ Священный ибис (ibis religiosa) – белого цвета, родиной его является Африка. В настоящее время очень редок, встречается в Нубии. Священный ибис, как и красноногий ибис (родиной которого является Южная Америка), занесены в Красную книгу МСОП.

стигли два вида – белые и черные ибисы. Аристотель в «Истории животных» (Arist. Hist. animal. IX. 27 (103)) пишет: «Ибисы, живущие в Египте, двоякого рода: одни из них белые, другие черные. Белые водятся повсюду, кроме Пелузии, черные же отсутствуют во всем Египте, а водятся в Пелузии»³¹. Страбон (Strabo. XVII. 824) дает более развернутую характеристику черного ибиса; из его описания становится понятным, почему только белые ибисы могли считаться священными, а черные ибисы были олицетворением грязи и нечистот: ибис, пишет Страбон, является «самой ручной птицей; по виду и по величине он похож на аиста, но двух видов в зависимости от цвета: один вроде аиста, другой – совершенно черный. Все перекрестки улиц Александрии полны этой птицей: ибис отчасти полезен, отчасти вреден; полезен он потому, что подбирает всяких вредных животных и отбросы в мясных лавках и пекарнях; вреден же оттого, что поедает все, грязен, и его с трудом только можно удержать от чистых предметов, не допускающих никакого загрязнения».

Идентификации Аполлония Родосского с ибисом черным, ибисом «грязным» помогает «Ибис» Овидия. Насколько же оскорбительным могло быть сравнение с черным ибисом, можно судить по таким стихам Овидия (Ибис. 449–450)³²:

...будь, как пернатая тварь, предмет заклинаний поэта,
Та, что сама себе срам моет прыскучей водой.
(В подлиннике: «Соргоа projecta quae sua purgat aqua».)

Конечно, нам неизвестно, когда поэма «Ибис» была написана Каллимахом, но то, что он имел в виду, несомненно, черного ибиса, подтверждается «Ибисом» Овидия. Это во многом проясняет характеристику поэмы Каллимаха в словаре «Суда». Кроме того, понятнее становится мотив «грязи и скверны» в концовке II гимна, связь его с «Φθόνοϛ» и пояснение схолиаста по этому поводу.

Все это, конечно, не нарушает стройных доказательств литературной полемики между двумя поэтами, но что чему предшествовало: личная ссора или литературные выпады – остается загадкой.

THE QUARREL BETWEEN CALLIMACHUS AND APOLLONIUS RHODIUS REVISITED

V. P. Zavyalova

Comparing the note on Callimachus' poem *Ibis* in *Suidas* with Ovid's poetical pamphlet *Ibis*, the author tries once more to precise the character of the quarrel between two great Alexandrians. With a reference to the information about the black ibis given by Strabo (XVII. 823) and Aristotle (Hist. anim. IX. 27(103)), she confirms the identification of ibis with Apollonius Rhodius and maintains that the ibis meant in Callimachus' poem was the black one. How abusive such comparison could be, one can see from Ovid's *Ibis*.

³¹ Аристотель. История животных / Пер. В.П. Карпова. М., 1996. С. 364.

³² М.Л. Гаспаров, комментируя это место, писал: «Пернатая тварь – Ибис, герой стихотворения Каллимаха, послужившего образцом Овидию; птица эта будто бы сама себя очищает клювом от нечистот» (*Овидий*. Скорбные элегии... С. 261).